

Постструктуралистская стратегия объяснения сакральной архитектуры

Научный руководитель – Давыдов Иван Павлович

Бегчин Денис Александрович

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра философии религии и религиоведения, Москва, Россия

E-mail: begdengm@gmail.com

Предметом проведенного исследования выступила постструктуралистская методология объяснения архитектуры, выраженная в трудах П. Бурдьё [1, 2, 3, 10] и А. Лефевра [7]. Вслед за М.Р. Савченко [8, 9], мы исходим из того, что научное объяснение архитектуры возможно на основании функциональной методологии, предполагающей выявление функциональных связей архитектуры с другими объектами (в нашем случае - с религией) в рамках некоторой объемлющей системы, равновесие, гармония и целостность которой обуславливаются как раз этим связями. Иными словами, архитектура необходима постольку, поскольку предъявляет свойства, противоположные тем или иным свойствам объектов, с которыми она вступает во взаимодействие. Сакральная архитектура, в свою очередь, необходима постольку, поскольку инвертирует свойства религии - религиозных процессов, деятельности, состояний, качеств, типов и значений.

Функциональное объяснение, на наш взгляд, не ограничивается структурно-функциональным анализом и семиотикой сакральной архитектуры [5], т.к. предполагает также анализ самого по себе языка формы пространства, на который архитектура переводит социокультурные системы и отношения, включая религию. Для такого объяснения требуется, в том числе, рассматривать религию с точки зрения архитектурной функции, а не наоборот. Религиозная функция архитектуры есть ответ архитектурной формы на запрос, ожидание религиозного сообщества или агента, архитектурная функция религии - реакция религиозного сообщества или агента на архитектурное окружение. Ритуальное взаимодействие с архитектурным сооружением, с учетом архитектурной функции, будет представлять собой уже не строго регламентированный порядок действий (чтения/использования элементов архитектурного интерьера и экстерьера), подчиненный структурированной системе правил декодирования (сакральное пространство и время), но телесную практическую схему (в терминах П. Бурдьё [1, 2]), за счет которой обеспечивается спонтанная адаптация агента к внешним условиям физического, социального и космического пространства, формируемого архитектурой.

Согласно П. Бурдьё [1], религиозные обряды и ритуалы характеризуются противоположными свойствами: дискретность - континуальность, интеграция - дезинтеграция (классификация, сегментация). Эти свойства актуализируются в зависимости как от социального (мужчина или женщина, мирянин или клирик), так и от физического положения (публичное пространство, например, сельскохозяйственного труда или частное пространство дома, профанное пространство площади или сакральное пространство храма) агентов. На это указывал еще А. ван Геннеп [4]. Если принимать во внимание дискретность и континуальность обряда, то можно обнаружить, что архитектура не только структурирует символические порядки, создавая систему отношений религиозно-значимых местоположений, которые нарушаются во время обрядов перехода, но для агентов, наделенных определенными функциями (женщины или служители культа в доиндустриальных обществах), архитектура может проявлять свойства лиминальности, изменчивости, непостоянства, требующие обратной реакции: для священнослужителей сакральное пространство, в

некотором смысле, всегда находится под угрозой исчезновения, т.к. не может не меняться, будучи никогда не замкнутым, в то время как для мирян оно скорее представляется постоянным и замкнутым, несмотря на то, что ими же самими производится ритуальное нарушение сакральных границ.

Интегративные и дезинтегративные свойства обряда и ритуала распространяются на процессы идентификации и осуществления власти в религиозном сообществе. В одних ситуациях, идентификация представляет собой отождествление с группой и принятие коллективных ценностей, а инструментом осуществления власти выступает зрелищность ритуала, в других же ситуациях, религиозная идентичность обусловлена положением субъекта относительно других субъектов, а власть в религиозном сообществе обеспечивается дисциплинарным надзором (в терминах М. Фуко [11]). Объединение частей религиозного сообщества в целое и обратное дробление сообщества на сегменты и индивидов компенсируется сакральной архитектурой за счет процессов гомогенизации и гетерогенизации пространства (в терминах Ж. Делеза и Ф. Гваттари, за счет переходов между «рифленным» и «гладким» [6, 12]): для агентов, чья идентичность и власть зависит от положения, сакральное пространство проявляет черты однородности, и наоборот, агентам (прежде всего, мирянам и прихожанам храма), стремящимся к интеграции и идентификации с группой, к принятию коллективных норм и ценностей, храмовая архитектура отвечает пространственным сегментированием, классифицированием, иерархизацией и индивидуализацией мест-положений. Выходящее за рамки символической реальности (соматическое, эмоциональное) и двойственное (одновременно разрушительное и стимулирующее развитие, размывающее различия и индивидуализирующее) воздействие сакральной архитектуры на религиозную идентификацию подтверждается исследованиями современных антропологов и когнитивных психологов [13, 14].

Таким образом, постструктуралистская стратегия объяснения позволяет вписать историю сакральных строений в широкий контекст социальной эволюции, научно-технического прогресса и вытекающего из него разделения труда. Сакральные строения при этом рассматриваются как объекты, вступающие в функциональные отношения с религией, создавая условия, в которых сохраняется потребность в выполнении религиозных обрядов и ритуалов.

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-28-01668 «Комплексное исследование сакрального пространства старожилов Енисейского Севера: механизм сохранения и развития (на основе междисциплинарного исследования памятников истории и архитектуры)».

Источники и литература

- 1) Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.
- 2) Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2017.
- 3) Бурдые П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2017.
- 4) Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература; РАН, 1999.
- 5) Давыдов И.П. Храм и ритуал: социальные функции священного. СПб.: Изд-во РХГА, 2021.
- 6) Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
- 7) Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015.

- 8) Савченко М.Р. Культура в свете теории архитектурной функции // Вопросы теории архитектуры: Архитектура и культура России в XXI веке. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. С. 64–74.
- 9) Савченко М.Р. Основания архитектуры: Введение в архитектурную онтологию, парадигмы и универсалии, категории, типология. М.: КомКнига, 2006.
- 10) Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук / под ред. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2020.
- 11) Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
- 12) Хайман Э.В. От мегаполиса к плагаполису. Новые зоны ответственности архитектора // Архитектура и социальный мир / Под ред. И.А. Добрицыной. М.: Прогресс-Традиция, 2012. С.270-283.
- 13) Joye Y., Verpooten J. An exploration of the functions of religious monumental architecture from a Darwinian perspective // Review of General Psychology. 2013, №1 (17). p. 53-68.
- 14) Religious architecture. Anthropological perspectives / ed. O. Verkaaik. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2013.